

Флеминг Ян

Разглашению не подлежит

Самая красивая птица на Ямайке, а по мнению некоторых и во всем мире, это лентохвост или доктор-колибри. Самец достигает почти девяти дюймов в длину, и семь из них приходится на хвост, представляющий собой два переплетающихся продолговатых черных пера с зубчатой каемкой с внутренней стороны. Черные головка и хохолок, темно-зеленые крылья, длинный алый клюв и черные, светящиеся притягательным блеском глаза. Тело - изумрудно-зеленое, настолько сочной окраски, что при прямом солнечном свете перед вашими глазами предстает самое пронзительно зеленое существо в природе. На Ямайке любимым птицам дают клички. "Trochilus Polytmus" прозвали "Птицей-доктором" из-за того, что два ее черных хвостовых пера напоминают фалды черного сюртука, который раньше носили врачи.

Миссис Хэвлок особенно привязалась к двум семействам этих птиц: еще с тех пор, как она вышла замуж и поселилась на ферме Контент, она наблюдала за тем, как они пьют нектар, дерутся, строят гнезда и выводят птенцов. На ее глазах, а ей было уже за пятьдесят, сменилось несколько поколений двух птичьих семейств, основателей которых ее свекровь прозвала Пирамом, Фисбой, Дафнисом и Хлоей. Клички закрепились и за последующими парами, и сейчас миссис Хэвлок, сидя за столиком на широкой веранде перед элегантным чайным сервизом, наблюдала за тем, как Пирам с пронзительным писком пикировал на Дафниса, поскольку тот, насытившись нектаром на облюбованном им огромном кусте, имеющим форму японской конусообразной шляпы, примостился на ветке, находящейся по соседству араукарии - вотчины Пирама. Две крошечные черно-зеленые кометы описали круг над огромной ухоженной лужайкой с яркими вкраплениями гибискуса и бугенвиллеи, а затем затерялись среди апельсиновых деревьев. Но ненадолго. Постоянные стычки между двумя семействами были всего лишь игрой. В большом, хорошо ухоженном саду нектара хватало на всех.

Миссис Хэвлок поставила чашку на столик и взяла сандвич.

- Несносные показушники! - воскликнула она.

- О ком это ты? - спросил полковник Хэвлок, взглянув на нее поверх номера "Дейли глинер", в изучение которого был погружен.

- О Пираме и Дафнисе.

- А, ты про этих. - Клички казались полковнику идиотскими. - Сдается мне, - продолжал он, - что Батиста скоро даст деру. Кастро жмет вовсю. Сегодня утром один человек рассказывал в банке, что и на Ямайке появились горячие деньги и что ферму Белэр продали через подставных лиц. Подумать только, сто пятьдесят тысяч фунтов за тысячу зараженных клещом акров и дом, который красные муравьи превратят в труху к Рождеству! Какой-то тип неожиданно для всех взял и купил этот отвратительный отель "Голубая бухта". Говорят, что даже Джимми Фаркхарсон нашел себе покупателя, которому, полагаю, наверняка всучит в придачу прилегающий участок с пораженными "панамской болезнью" деревьями.

- Вот Урсула обрадуется! Бедняжка просто не выносит жизнь на Ямайке. Хотя я совсем не в восторге от мысли о том, что эти кубинцы скупают весь остров. Интересно, Тим, откуда у них столько денег?

- Рэкет, профсоюзные средства, казенные деньги - Бог их знает! На Кубе полным-полно жуликов и гангстеров, которым не терпится поскорее вывезти деньги с Кубы и выгодно вложить их где-то еще. Ямайка вполне подходящее место, особенно после того, как стало возможным переводить местную валюту в доллары. Наверняка купивший Белэр тип высыпал чемодан денег на пол в офисе Ашенхейма. Думаю,

выждав год или два, когда все утрясется или когда Кастро захватит власть и наведет там порядок, он снова выставит ее на продажу, потеряет на перепродаже какую-то сумму в разумных пределах и поменяет место жительства. Жаль, конечно. Белэр была когда-то отличной фермой. Все можно было бы восстановить при желании.

- А ведь пока был жив дед Билла, земли фермы простирались на десять тысяч акров. На то, чтобы объехать вокруг, требовалось трое суток.

- Биллу на все это абсолютно наплевать. Готов поспорить, что он уже взял билеты до Лондона. Еще одной старой семьей станет меньше. Скоро вообще никого, кроме нас, не останется. Слава Богу, Джуди нравится это место.

- Ты прав, дорогой, - сказала миссис Хэвлок успокаивающим тоном.

На звон ее колокольчика из дверей гостиной, оклеенной обоями в белых и розовых тонах, появилась, чтобы убрать со стола посуду, Агата - огромной толщины иссиня-черная негритянка в старомодном белом тюрбане, который на Ямайке носили теперь только в глубинке. Сопровождала ее Фейпринс, смазливая молодая квартиронка, взятая в ученицы экономки из Порт-Мария.

- Пора заняться консервированием, - обратилась миссис Хэвлок к Агате, гуайавы рано созрели в этом году.

- Да, госпожа, - ответила Агата с бесстрастным выражением лица. - Но у нас мало банок.

- Как же так? Ведь еще в прошлом году я купила тебе две дюжины самых лучших банок из тех, что были у Энрике.

- Вы правы, госпожа. Но пять или шесть из них разбились.

- Господи, да как же это случилось?

- Не могу знать, госпожа. - Агата взяла большой серебряный поднос и выжидающе досмотрела на миссис Хэвлок.

Миссис Хэвлок не зря прожила большую часть своей жизни на Ямайке, она понимала, что разбитых банок не вернуть, а искать виновных - занятие бесполезное.

- Ладно, не печалься. Агата, - бодро сказала она, - куплю новые, как только окажусь в Кингстоне.

- Хорошо, госпожа, - сказала Агата и вместе с ученицей направилась к дому.

Миссис Хэвлок принялась за вышивку. Ее пальцы двигались механически. Она снова бросила взгляд на высокие конусообразные кусты и араукарию. Два самца были на своем месте и, изящно изогнув хвосты, перепрыгивали с цветка на цветок. В свете лучей заходящего солнца они то и дело вспыхивали пронзительными ярко-зелеными точками. Еще одна колибри, устроившись на макушке куста красного жасмина, приступила к исполнению вечернего репертуара. Древесная лягушка звонким кваканьем возвестила о наступлении быстротечных липовых сумерек.

Ферма Контент, занимающая площадь в двадцать тысяч акров у подножия пика Кэндлфлай на восточной оконечности Голубых гор в графстве Портленд, была дарована одному из предков Хэвлока Оливером Кромвелем в качестве вознаграждения за то, что он среди прочих подписал смертный приговор королю Карлу. В отличие от многих других колонистов, поселившихся на острове в то время и позднее, Хэвлоки оставались владельцами плантации в течение трех столетий, несмотря на землетрясения, ураганы и перепады спроса на какао, сахар, цитрусовые и копру. Теперь Хэвлоки выращивали на ней бананы и разводили скот. Плантация считалась одной из богатейших и наиболее производительной среди всех частных владений на острове. Неоднократно ремонтировавшийся и перестраивавшийся после землетрясений и ураганов дом представлял собой смешение самых разнообразных стилей - центральная двухэтажная часть, возведенная на сваях из красного дерева и старом каменном фундаменте, и две одноэтажные пристройки с обеих сторон, с обитыми щепой из серебристого кедра плоскими крышами в типично ямайском стиле. Хэвлоки сидели на веранде центрального здания, выходящей к

покатым лужайкам сада, за которым на двадцать миль до побережья простирались джунгли с их буйной растительностью.

- Кажется, машина подъехала, - сказал полковник Хэвлок, оторвавшись от газеты.

- Если опять нагрянула эта противная чета Федденов из Порт-Антонио, тебе придется найти предлог, чтобы не принимать их. Я больше не вынесу их вечных стенаний об Англии. К тому же в прошлый раз они оба набрались, да и обед не удался, - сказала миссис Хэвлок и быстро встала из-за стола. - Пусть Агата скажет, что у меня мигрень. В дверях гостиной с виноватым видом появилась Агата, а за ней - трое мужчин.

- Джентльмены из Кингстона желают видеть полковника, госпожа, - выпалила она.

Первый из трех незнакомцев проскользнул мимо экономки. На голове у него была летняя шляпа с загнутыми под острым углом узкими полями. Он снял ее левой рукой и прижал к животу. Набриоленные волосы и обнаженные в улыбке белые зубы блестели в лучах заходящего солнца. Он приблизился к полковнику Хэвлоку, протянув ему руку:

- Майор Гонсалес. Из Гаваны. Рад познакомиться с вами, полковник.

Он говорил с фальшивым американским акцентом, характерным для ямайских таксистов. Полковник Хэвлок встал, едва прикоснувшись к протянутой руке и бросив взгляд на стоявших позади майора по обе стороны двери двух мужчин. Каждый держал в руке по вместительной тропической сумке - последний крик моды, - из тех, что выдают пассажирам на рейсах "Пан-Америкэн". Сумки с виду были тяжелыми. Сопровождающие как по команде нагнулись и поставили их у ног, обутых в желтоватые ботинки, а затем снова выпрямились. На головах у них были плоские белые шапочки с прозрачными зелеными козырьками, которые отбрасывали зеленую тень на их скулы. Из-под козырьков их глаза, подобно глазам умного зверя, пытались угадать каждое движение майора.

- Это мои помощники.

Полковник Хэвлок достал из кармана трубку и принялся набивать ее. Внимательный взгляд его голубых глаз отметил хорошо подогнанный костюм, элегантные ботинки и ухоженные ногти майора, а также голубые джинсы и пестрые рубахи его сопровождающих. Подумав, как бы можно было уговорить визитеров пройти в кабинет, где в верхнем ящике письменного стола у него лежал револьвер, он стал раскуривать трубку, следя сквозь дым за выражением глаз и рта майора.

- Чем могу быть полезен?

Продолжая широко улыбаться, майор Гонсалес развел руками. С его лица не сходила улыбка. Блестящие, почти золотистого оттенка глаза излучали любопытство и дружеское расположение.

- Я к вам по делу, полковник. У меня поручение от одного джентльмена из Гаваны, - произнес он, сделав широкое движение правой рукой. - Исключительно добропорядочного джентльмена с большими связями. - Майор Гонсалес постарался придать голосу оттенок искренности. - Он вам понравится, полковник. Он попросил меня передать вам наилучшие пожелания и узнать, сколько стоит ваша ферма.

Миссис Хэвлок, наблюдавшая за происходящим с вежливой улыбкой, решительно приблизилась к мужу и мягко, чтобы не ставить незнакомца в неловкое положение, заметила:

- Весьма сожалею, майор, что вам пришлось трястись по этим пыльным дорогам. Вашему другу следовало написать сначала письмо или навести справки в Кингстоне или среди правительственных чиновников. Видите ли, семья моего мужа живет здесь почти триста лет. - Дружелюбно взглянув на майора, она добавила извиняющимся тоном:

- Должна вас огорчить, но продажа фермы абсолютно исключена, это никогда не входило в наши планы. Любопытно, кто мог подать такую идею вашему уважаемому другу?

Майор Гонсалес учтиво поклонился миссис Хэвлок и вновь с улыбкой обратился к полковнику, будто не слышал ни слова:

- Моему поручителю сказали, что ваша ферма - одна из лучших на Ямайке. Он исключительно щедрый человек и готов согласиться на любую разумную сумму.

- Вы слышали, что сказала миссис Хэвлок, - ферма не продается, - твердо произнес полковник Хэвлок.

Смех майора Гонсалеса прозвучал вполне натурально. Он покачал головой, будто пытался втолковать что-то туповатому ребенку.

- Вы не совсем меня поняли, полковник. Мой поручитель хотел бы купить именно вашу, а не какую-то другую ферму на Ямайке. У него есть деньги, свободные деньги, которые он хотел бы вложить в дело, и желательно на Ямайке. Мой поручитель хотел бы, чтобы они были вложены в вашу ферму.

- Теперь я вижу, к чему вы клоните, майор, - невозмутимо произнес полковник Хэвлок. - Весьма сожалею, что вы впустую потратили время, но, пока я жив, ферма не будет выставлена на продажу. Видите ли, мы с женой имеем обыкновение рано ужинать, а вам предстоит дальняя дорога. Мне кажется, удобнее всего пройти к машине с этой стороны. Позвольте проводить вас. - Полковник указал налево, в сторону веранды. Он шагнул вперед, приглашая майора Гонсалеса последовать за ним, но тот не двинулся с места, и полковнику пришлось остановиться. В голубых глазах Хэвлока появился ледяной блеск.

Улыбка майора Гонсалеса стала менее лучезарной, а во взгляде появилась настороженность, но он по-прежнему вел себя дружелюбно.

- Одну секунду, полковник, - бодро сказал он и, обернувшись через плечо, отдал короткую команду.

От Хэвлоков не ускользнуло, что маска добродушия слетела с лица майора, когда он сквозь зубы проговорил несколько отрывистых слов. Тут миссис Хэвлок почувствовала некоторую неуверенность и подошла еще ближе к мужу. Сопровождающие подняли с пола синие сумки и сделали шаг вперед, а майор Гонсалес по очереди открыл "молнии" каждой из туго набитых сумок. Они были доверху наполнены аккуратными большими пачками американских долларов.

- Здесь полмиллиона долларов в стодолларовых банкнотах, - майор Гонсалес сделал приглашающий жест, - ни одной фальшивой. В ваших деньгах это будет примерно сто восемьдесят тысяч фунтов - целое состояние. На свете найдется немало других хороших мест, полковник, где можно обосноваться. К тому же мой поручитель мог бы согласиться добавить еще двадцать тысяч фунтов, чтобы получилась круглая сумма. Он сообщит вам о своем решении через неделю. Все, что мне сейчас необходимо, - это ваша подпись на клочке бумаги, а об остальном позаботятся адвокаты. Итак, полковник, - сказал он, победоносно улыбаясь, будем считать, что мы договорились, и ударим по рукам? В таком случае сумки остаются здесь, а мы уезжаем, чтобы не мешать вашему ужину.

Хэвлоки посмотрели на майора. На их лицах было написано одинаковое выражение - смесь гнева и отвращения. Легко можно было представить себе, как миссис Хэвлок будет комментировать происшедшее на следующий день:

"Тимми держался молодцом. Предложил этому невзрачному, слащавому типу убраться вон со своими мерзкими пластиковыми сумками, набитыми деньгами".

Рот полковника Хэвлока скривился от неудовольствия.

- По-моему, я достаточно ясно сказал, майор, что ферма не продается ни за какие деньги. К тому же я не разделяю всеобщего помешательства на американских долларах. Вы вынуждаете меня указать вам на дверь. - Полковник Хэвлок положил

потухшую трубку на стол, как бы готовясь засучить рукава.

На этот раз улыбка майора Гонсалеса утратила теплоту. Его рот застыл в усмешке, которая напоминала скорее сердитую гримасу, а в водянистых, с золотистым оттенком глазах внезапно появился холодный металлический блеск, когда он вкрадчиво сказал, обращаясь к полковнику:

- Это не вы, а я недостаточно ясно выразился. Мой поручитель распорядился, чтобы в случае вашего отказа принять его исключительно щедрые условия мы прибегли к другим мерам.

Миссис Хэвлок охватил внезапный страх. Она положила руку на локоть полковника и крепко сжала его, а он, пытаясь успокоить миссис Хэвлок, дотронулся до ее руки и произнес сквозь зубы:

- Майор, я прошу вас покинуть наш дом, иначе мне придется обратиться в полицию.

Майор Гонсалес медленно облизал губы кончиком розового языка. Радостное выражение совершенно исчезло с его лица - оно помрачнело и стало неподвижным.

- Значит, ваше последнее слово - ферма не будет продана, пока вы живы? резко спросил он. Держа правую руку за спиной, он один раз тихо щелкнул пальцами. Стоявшие сзади него сопровождающие схватились за заткнутые за пояс револьверы, видневшиеся в прорези ярких рубаш. Цепким звериным взглядом они следили за движением пальцев майора, ожидая следующего сигнала.

Миссис Хэвлок прикрыла рукой рот, чтобы не вскрикнуть от ужаса. Полковник Хэвлок попытался дать утвердительный ответ, но у него пересохло во рту, и он сделал громкое глотательное движение. Он не мог поверить, что все это происходило наяву. Этот мерзкий жулик-кубинец наверняка блефует. Наконец ему с трудом удалось подтвердить, что это действительно его последнее слово.

- В таком случае, полковник, мой поручитель будет вести переговоры со следующим владельцем - вашей дочерью. - Майор Гонсалес сдержанно кивнул.

Пальцы щелкнули еще раз. Майор Гонсалес отодвинулся в сторону, чтобы не закрывать собой цель. Смуглыми и волосатыми, как у обезьян, руками сопровождавшие выхватили из-под рубашек револьверы с уродливыми, сарделькообразными стволами и открыли беглый огонь, продолжая стрелять даже по падающим телам.

Майор Гонсалес наклонился, чтобы лучше разглядеть входные отверстия пуль. Затем три низкорослых человека быстро прошли обратно к машине через бело-розовую гостиную, темный холл, украшенный резьбой красного дерева, и элегантный парадный вход. Они не спеша уселись в четырехдверный черный "форд-консул" с ямайскими номерными знаками - майор Гонсалес за руль, а его сопровождающие в напряженной позе на заднее сиденье. Машина тронулась и медленно покатила по длинной аллее, обсаженной королевскими пальмами. На перекрестке с ведущей в Порт-Антонио дорогой с ветвей свисали, подобно ярким лианам, перерезанные телефонные провода. Майор Гонсалес осторожно и ловко вел машину по неровной местной дороге, пока не выбрался на мощный щебнем отрезок у побережья, где прибавил скорость. Спустя двадцать минут после убийства они добрались до широко раскинувшейся окраины маленького бананового порта, бросили украденный автомобиль на поросшей травой обочине и пешком прошли четверть мили по слабо освещенной центральной улице до причалов, где их ждал быстходный катер с работающим мотором. Затем поднялись на палубу, и катер устремился вперед по гладкой поверхности самой красивой в мире бухты, как о ней сказала одна американская поэтесса. Якорная цепь пятидесятитонной сияющей яхты под развевающимся американским флагом уже была наполовину поднята. Изящно изогнутые, похожие на антенны спиннинги для глубоководного лова указывали на то, что ее пассажирами были туристы из Кингстона либо из Монтегю-Бэй. Троица взошла

на борт, затем был поднят катер. Вокруг яхты крутились попрошайки на двух каноэ. Майор Гонсалес швырнул в сторону каждого по пятидесятицентовой монете, и полуголые парни тут же нырнули в воду, чтобы выловить их. Два дизельных двигателя издали прерывистое громкое урчание, яхта чуть наклонилась вперед и двинулась в сторону глубокого прохода, над которым возвышался отель "Тичфильд", чтобы на рассвете уже быть в Гаване. Проводив ее глазами, стоявшие у причала рыбаки и рабочие пристани вернулись к спору о том, кто бы из голливудских звезд, отдыхающих на Ямайке, это мог быть.

У подножия холмов последние лучи солнца освещали красные пятна на широкой веранде фермы Контент. Один из докторов-колибри пронесся над балюстрадой, замер в воздухе над телом миссис Хэвлок и уставился на ее разорванное пулей сердце. Не обнаружив для себя ничего интересного, он весело перепорхнул на облюбованную для ночлега ветку соседнего куста гибискуса.

Кто-то приближался к дому в небольшом спортивном автомобиле, переключив на полном ходу скорость на повороте. Будь миссис Хэвлок жива, она бы вот-вот произнесла: "Джуди, сколько раз я просила тебя не гнать так на повороте. Летящий из-под колес гравий оказывается на газоне, и ты прекрасно знаешь, как это портит косилку".

Прошел месяц. Октябрь в Лондоне начался неделей прекрасного бабьего лета. Шум механических сенокосилок доносился из Риджент-парка через открытые окна кабинета М. Джеймсу Бонду пришло в голову, что один из самых прекрасных звуков лета - усыпляющее металлическое позвякивание старой сенокосилки - навсегда уходит в прошлое. Нынешние дети будут, наверно, думать то же самое про тарахтенье двухцилиндровых двигателей. Слава Богу, хоть скошенная трава имеет все тот же аромат.

У Бонда было время, чтобы предаться всем этим размышлениям, поскольку М., похоже, никак не мог перейти к сути дела. На вопрос М., чем он занят в данный момент, Бонд радостно ответил, что ничем, ожидая, что перед ним раскроется ящик Пандоры. Его слегка заинтриговало то, что М, назвал его по имени, а не по номеру 007 - это было не принято в рабочее время. Голос М, звучал так, как если бы задание имело какой-то личный аспект и было скорее просьбой, чем приказом. Бонду также показалось, что во взгляде холодных, кристально чистых серых глаз М, была какая-то новая тревога. А раскуривать трубку в течение трех минут - это уж слишком!

М, придвинулся на вращающемся кресле вплотную к столу и щелкнул по коробке спичек, которая пролетела, кувыркаясь, по обтянутой красной кожей поверхности стола до края, где сидел Бонд. Тот остановил ее и легким щелчком отправил обратно на середину стола. Легкая усмешка скользнула по лицу М. Показалось, что он принял какое-то решение, поскольку мягко произнес:

- Джеймс, вам когда-нибудь приходило в голову, что все военные моряки знают, что они должны делать, за исключением командующего адмирала?

Нахмутив лоб, Бонд ответил:

- Нет, не приходило, сэр, но я понимаю, что вы имеете в виду. В то время, как все остальные должны выполнять приказы, адмиралу приходится принимать решения, отдавать приказы. Мне кажется, столь же обоснованно утверждение, что верховный главнокомандующий - самый одинокий человек на свете.

Державшей трубку рукой М, сделал подтверждающий жест.

- Что-то в этом роде. Кто-то должен проявить твердость и принять окончательное решение. Человек, посылающий Адмиралтейству неясный сигнал, заслуживает списания на берег. А вот верующие полагаются на Бога при принятии решения. - В глазах М, появилось желание оправдаться. - Раньше я иногда пытался действовать таким образом и у нас на службе, но Он неизменно вновь перекладывал ответственность на меня, советуя не унывать и действовать самостоятельно.

Недурственный, но трудновыполнимый, по-моему, совет. Беда в том, что лишь немногим из тех, кому перевалило за сорок, удается сохранить твердость. К этому возрасту жизнь обычно порядком потреплет людей - проблемы, трагедии, болезни, которые подтачивают человека. - М, впился глазами в Бонда. - Джеймс, а как у вас с коэффициентом твердости? Вы вроде бы еще не подошли к опасному возрасту?

Бонд не любил личных вопросов - не знал, как на них отвечать и что считать истиной. Он ни разу не испытал трагедии личной утраты. Ему не приходилось бороться со слепотой или смертельной болезнью. Он не имел ни малейшего представления, как бы повел себя, столкнувшись со всеми этими бедами, которые требуют гораздо большего присутствия духа, чем ему когда-либо приходилось проявлять. Поэтому он ответил неуверенно:

- Мне кажется, что смогу перенести многое, если придется и если я буду знать, что это необходимо. Я имею в виду, если так необходимо ради дела, которое, как бы поточнее выразиться, справедливо, сэр, - произнес он с неохотой, так как не любил говорить такие слова. - Конечно, - продолжал он, испытывая чувство неловкости от того, что вынужден был опять уступить М, инициативу в разговоре, - не так уж просто определить, что справедливо, а что нет. Полагаю, надо понимать дело так, что даже когда наша Служба поручает мне неприятную работу, это делается в интересах справедливости.

- Именно это я и имею в виду, черт возьми! - Во взгляде М, промелькнуло нетерпение. - В данном случае вы можете полностью положиться на меня, не беря на себя никакой ответственности. - Чубуком трубки М, ткнул в сторону Бонда. Именно мне предстоит решать, что справедливо, а что - нет. - В глазах М, больше не было раздражения, а уголки рта изогнулись в кривой усмешке, когда он мрачно произнес:

- Я так понимаю, именно за это мне и платят - кому-то надо быть машинистом в этом проклятом поезде. - М, сунул трубку в рот и глубоко затянулся, чтобы снять напряжение.

В этот момент Бонду стало жаль М. Никогда раньше он не слышал от него такого резкого выражения. Никогда раньше не намекал М, кому-либо из своих сотрудников, что тяготеет бременем, которое он взвалил на себя с тех самых пор, как отказался от прямого предложения занять пост пятого морского лорда, чтобы возглавить Секретную службу. М, что-то явно тревожило, и Бонду не терпелось узнать - что именно. Вряд ли грозящая опасность. Когда можно было более или менее правильно заранее угадать возможную реакцию, М, шел на любой риск в любой точке земного шара. Политические соображения также исключались. М, было наплевать на чувствительность любого министра, и он никогда не останавливался перед тем, чтобы за их спиной получить личное разрешение премьер-министра на тот или иной шаг. "Наверно, что-то связанное с моральными или личными соображениями", - подумал Бонд и спросил:

- Я могу чем-нибудь помочь, сэр?

М, бросил короткий задумчивый взгляд на Бонда и затем повернул свое кресло спинкой к окну, в которое были видны проплывавшие по-летнему высокие облака.

- Вы знакомы с делом Хэвлоков? - внезапно спросил он.

- Мне известно лишь то, что писали газеты. Вернувшись однажды вечером домой, дочь проживавшей на Ямайке пожилой четы нашла два изрешеченных пулями тела. По слухам, это было делом рук гангстеров из Гаваны. Экономка предполагает, что трое подъехавших к дому на машине мужчин были кубинцами. Машина оказалась украденной. В тот вечер из местной бухты отчалила неопознанная яхта. Но, если я не ошибаюсь, полиции ничего не удалось обнаружить. Вот все, что мне известно, сэр. Никаких материалов по этому делу я не видел.

- И не могли увидеть, - ворчливо заметил М., - они все лично на меня расписываются. Нас не просили заниматься этим делом. Так получилось, - он

откашлялся, ощущая неловкость от использования Службы в личных целях, - что я знаком с Хэвлоками. Я даже шафером был у них на свадьбе. На Мальте праздновали, в 1925 году.

- Теперь я понимаю, сэр. Весьма сожалею. После недолгого молчания М, продолжил свой рассказ:

- Очень милые люди. Как бы там ни было, я попросил сотрудников Отдела "С" ознакомиться с делом. Через людей Батисты узнать ничего не удалось, но у нас есть хороший контакт на другой стороне, у этого малого - Кастро. Его разведка, похоже, глубоко внедрилась во все кубинские правительственные службы. Недели две назад я получил полное представление о случившемся. Убийство Хэвлоков организовал некто Хаммерштейн, или фон Хаммерштейн. В банановых республиках полным-полно хорошо устроившихся немцев, нацистов, которым удалось улизнуть от расплаты в конце войны. Хаммерштейн, бывший гестаповец, руководил контрразведкой Батисты и нажил кучу денег на вымогательстве, шантаже и покровительстве. Мог бы прекрасно прожить до конца своих дней, но тут дела у Кастро пошли в гору, и Хаммерштейн одним из первых начал готовить запасные позиции. Он отвалил кое-что из награбленного одному из своих подручных по фамилии Гонсалес, который стал колесить с охраной из двух человек по карибским странам, вкладывая средства Хаммерштейна на чужое имя за пределами Кубы в недвижимость и прочие надежные места помещения капитала. Покупал только самое лучшее и по самой высокой цене - Хаммерштейн мог себе это позволить. А если деньги не срабатывали, он прибегал к силе - где-то ребенка похитит, в другом месте сожжет несколько акров земли, не отступая ни перед чем, чтобы образумить владельца. Когда Хаммерштейну рассказали про ферму Хэвлоков - одну из лучших на Ямайке, он отправил туда Гонсалеса с поручением приобрести ее. Очевидно, он распорядился убрать Хэвлоков в случае отказа, чтобы затем попробовать оказать давление на их дочь. Кстати, забыл сказать, у них дочь, которой сейчас, наверное, лет двадцать пять. Я никогда с ней не встречался. Ну, а произошло все это так. Они прикончили Хэвлоков, а две недели назад Батиста уволил Хаммерштейна, видимо прослышав кое-что о его проделках, но подлинной причины я не знаю. Так вот, Хаммерштейн смылся вместе с этой своей командой из трех человек, и, надо сказать, как раз вовремя - дело идет к тому, что Кастро будет в Гаване уже зимой, если выдержит нынешний темп.

- А где же укрылся Хаммерштейн? - осторожно спросил Бонд.

- В США, в северной части штата Вермонт, почти у самой канадской границы. Такие люди предпочитают располагаться поближе к границе. Они находятся в арендованном у какого-то миллионера имении с небольшим озером на территории под названием Лейк-Эко, расположенной в холмистой местности. На фотографиях выглядит очень живописно. Хаммерштейн явно постарался найти такое место, где его не будут беспокоить посторонние.

- А как вы об этом узнали, сэр?

- Я направил досье с этим делом Эдгару Гуверу, который был наслышан о Хаммерштейне. И неудивительно, учитывая, сколько хлопот доставляет ему пересылка оружия Кастро из Майами. Кроме того, он не спускает глаз с Гаваны с тех пор, как деньги американских гангстеров потоком хлынули на Кубу вслед за открытием там игорных домов. Он мне сообщил, что Хаммерштейн и его сопровождающие прибыли в Штаты по туристической визе сроком на шесть месяцев. Гувер мне здорово помог, интересовался, достаточно ли у меня материала, чтобы возбудить судебное преследование, буду ли я просить о выдаче этих людей, чтобы предать их суду на Ямайке. Я обсудил этот вопрос с нашим генеральным прокурором, который полагает, что рассчитывать на успех можно лишь при наличии свидетелей из Гаваны, а это исключено. Да и все имеющиеся на сегодня сведения поступили из

разведслужбы Кастро. Официально кубинцы и пальцем не шевельнут. Тогда Гувер предложил аннулировать их визы, что заставило бы их опять пуститься в бег. Я поблагодарил его, но от предложения отказался. На этом мы с ним поставили точку.

М, замолчал на некоторое время, разжег потухшую трубку и продолжил повествование:

- Я решил поговорить на эту тему с нашими друзьями из канадской полиции, связался по кодированной связи с комиссаром полиции, который прежде никогда мне ни в чем не отказывал. По его распоряжению патрульный самолет погранслужбы как бы случайно отклонился от маршрута, перелетел через границу и сфотографировал с воздуха всю территорию имения. Он заверил меня в готовности оказать любое другое содействие, если понадобится. Сейчас, - М, опять подъехал на вращающемся кресле вплотную к столу, - мне предстоит решить, что делать дальше.

Теперь Бонду стало понятно, что тревожило М., почему он хотел, чтобы кто-то принял за него решение - ведь речь шла о его бывших друзьях. Из-за присутствия в деле личностных моментов М, взял его целиком в свои руки. И сейчас наступило время, когда справедливость должна восторжествовать, а виновные - оказаться на скамье подсудимых. Но М, никак не мог решить, как ему следует квалифицировать следующий шаг - как восстановление справедливости или как месть. Никакой судья не станет слушать дело об убийстве человека, с которым он был лично знаком. И поэтому, в чем Бонд нисколько не сомневался, М, хотелось, чтобы кто-то другой, скажем. Бонд, вынес приговор. Ведь он не знал Хэвлоков, ему безразлично, какими они были. Хаммерштейн применил закон джунглей в отношении двух беспомощных пожилых людей. В таком случае только закон джунглей годился и для самого Хаммерштейна. Только так справедливость могла бы восторжествовать. Пусть это будет местью, местью общества.

- Я бы не испытывал ни малейших колебаний, сэр, - произнес Бонд. - Если заморские гангстеры почувствуют, что подобное сходит им с рук, они воспримут это как еще одно подтверждение точки зрения тех, кто считает англичан мягкотелыми. Тут необходимо жестокое возмездие - око за око.

М, продолжал смотреть на Бонда, храня молчание и ничем не выказывая желания услышать от него что-то еще.

- Если этих людей нельзя повесить по приговору суда, их следует просто ликвидировать, - добавил Бонд.

М, отвел взгляд от лица Бонда, и на какое-то мгновение в его глазах промелькнуло выражение отрешенности и внутренней сосредоточенности. Затем он медленно протянул руку к верхнему ящику левой тумбы стола, выдвинул его и вытащил оттуда тонкую папку, на которой отсутствовали стандартное оглавление и обозначающая гриф секретности красная звездочка. Он положил досье перед собой, а рукой порылся в выдвинутом ящике и наконец вынул печатку и коробочку с пропитанной красной тушью штемпельной подушкой. Он открыл коробочку, прижал к подушке печатку и затем аккуратно поставил штамп точно в правом верхнем углу серой обложки досье.

После этого М, положил печатку и штемпельную подушку обратно в ящик, задвинул его, повернул досье и мягким движением протянул его через стол Бонду.

Выведенная особым шрифтом, еще не просохшая надпись гласила: "Разглашению не подлежит".

Не произнеся ни слова, Бонд кивнул головой, взял досье и покинул кабинет.

Спустя два дня, в пятницу, Бонд вылетел в Монреаль рейсом "Фрайдей Комет". Самолет ему не понравился - летел на чересчур большой высоте, слишком быстро, да и пассажиров было много. Он с сожалением вспоминал о тех временах, когда через Атлантику летали на самолетах "Стратокрузер" - прекрасном, неуклюжей формы авиалайнере предыдущего поколения, который преодолевал расстояние за

десять часов. На нем можно было неторопливо поужинать, поспать несколько часов в удобной постели и проснуться как раз к тому моменту, когда в нижнем салоне начинали подавать еду под придуманным БОАК идиотским названием "сельский завтрак", в то время как весь салон заполняли первые лучи восходящего солнца с характерным для западного полушария золотистым оттенком. На этот раз все происходило слишком быстро - стюарды обслуживали чуть ли не с удвоенной быстротой, после чего осталось каких-то два часа, чтобы вздремнуть, до того как самолет круто пошел вниз с высоты в сорок тысяч футов. Спустя восемь часов после вылета из Лондона Бонд уже сидел за рулем арендованного в компании "Гертц" "плимута", направляясь по широкой 17-й автостраде из Монреаля в Оттаву и постоянно напоминая себе о необходимости придерживаться правой стороны.

Штаб-квартира канадской королевской конной полиции находилась в Оттаве, в министерстве юстиции, рядом с комплексом парламентских зданий. Подобно большинству государственных учреждений в Канаде, министерство юстиции занимало массивное здание из серого камня, монументального и способного выдержать долгие и холодные зимы. Было условлено, что в приемной Бонд скажет, что хотел бы видеть комиссара и представиться как "мистер Джеймс". Он так и сделал, и полицейский капрал с совсем еще юным лицом, выразившим неудовольствие от того, что должен находиться в помещении, когда на улице так тепло и солнечно, поднялся с ним на лифте на третий этаж и в большой опрятной комнате, где сидели две молоденьких секретарши и было много тяжеловесной мебели, передал его из рук в руки сержанту. Сержант связался с кем-то по внутреннему телефону, после чего наступило десятиминутное ожидание. Бонд закурил сигарету и перелистал брошюру, которая рекламировала службу в канадской конной полиции и в которой настоящий полицейский выглядел чем-то вроде франтоватого ковбоя, сыщика Дика Трейси и сестры милосердия Розмари - все в одном лице. Затем его пригласили пройти в кабинет. Находившийся там высокий моложавый человек, одетый в темно-синий костюм, белую сорочку и черный галстук, повернулся спиной к окну и шагнул ему навстречу.

- Мистер Джеймс? - спросил он с легкой улыбкой и представился:

- Полковник, скажем... Джонс. Они обменялись рукопожатием.

- Присаживайтесь. Комиссар приносит свои извинения в связи с невозможностью принять вас лично. У него сильная простуда, из тех, что называют "дипломатическими", - сказал с лукавой усмешкой полковник Джонс. Считает, что ему лучше побыть сегодня дома. Я - один из его помощников. Мне приходилось самому участвовать в нескольких охотничьих экспедициях, и комиссар поручил мне позаботиться об организации вашего короткого отпуска. Именно мне и больше никому. Надеюсь, вы понимаете? - добавил полковник после короткой паузы.

Бонд улыбнулся в ответ. Комиссар был готов помочь, но намеревался сделать это в "лайковых перчатках", чтобы не оказаться замешанным в эту историю. Отметив про себя, что комиссар, должно быть, осторожный и весьма разумный человек, Бонд ответил:

- Вполне понимаю. Мои лондонские друзья не хотели бы, чтобы комиссар принимал какое-либо личное участие в этом деле. А я с ним не встречался и понятия не имею, где находится штаб-квартира полиции. А теперь не могли бы мы минут десять поговорить на нормальном английском языке при условии, что разговор останется строго между нами?

Полковник Джонс рассмеялся в ответ:

- Конечно. Мне поручили произнести эту маленькую речь, после чего перейти непосредственно к делу. Вы ведь понимаете, командер, нам обоим придется закрыть глаза на то, что мы совершим ряд правонарушений, начиная с приобретения под ложным предлогом канадской охотничьей лицензии, соучастия в нарушении

правил пересечения границы, не говоря уже о последующих более серьезных вещах. Отголоски нашей маленькой операции никому не пойдут на пользу, не так ли?

- Мои друзья придерживаются такого же мнения. После моего отъезда будем считать, что мы никогда не встречались, а уж если я попаду в тюрьму Синг-Синг, это моя забота. А теперь - к делу.

Полковник Джонс выдвинул ящик письменного стола, достал объемистое досье и открыл его. Первым документом был список. Он задержал карандаш у первого пункта, бросил взгляд на Бонда, его старый твидовый костюм в черно-белую "елочку", белую сорочку и узкий черный галстук и произнес:

- Одежда. - Затем высвободил из-под зажима, скрепляющего досье, простой лист бумаги и подвинул его через стол Бонду. - Это список того, что, я думаю, вам понадобится, и адрес большого магазина подержанной одежды в городе. Не берите ничего модного или бросающегося в глаза - рубашка цвета хаки, темно-коричневые джинсы, добротные альпинистские сапоги или ботинки - главное, чтобы не жали. И еще адрес аптеки, где можно купить красящее вещество. Одного галлона хватит на целую ванну, которую вам предстоит принять. В это время года в горах много оттенков коричневого, и было бы глупо появиться там в парашютной ткани или в чем-либо еще, похожем на камуфляж, не так ли? Если вас задержат, скажете, что вы - англичанин, приехали поохотиться в Канаду, сбились с пути и по ошибке перешли границу. Теперь винтовка. Пока вы ждали, я сам спустился вниз и положил ее в багажник вашего "плимута". Это одна из последних моделей "Сэвидж 99Ф", с оптическим прицелом "Уэзерби" 6х62, пятизарядная магазинная винтовка с четырьмя полными магазинами, пули с высокой начальной скоростью, калибр 250 - 3,000. Самая легкая из имеющихся в продаже винтовок с рычажным механизмом затвора для охоты на крупную дичь - весит не более шести с половиной фунтов. Ее владелец, один из моих друзей, хотел бы получить винтовку когда-нибудь обратно, но и убиваться особо не будет, если ее не вернут. Винтовка пристреляна и на расстоянии до пятисот ярдов дает неплохие результаты. Вот разрешение на винтовку, - полковник Джонс протянул его Бонду, - выдана в Оттаве на вашу настоящую фамилию, чтобы совпадало с паспортом. А вот таким же образом оформленная охотничья лицензия, правда, для охоты только на мелкую дичь, так как сезон охоты на оленей еще не наступил. И еще водительские права взамен временных, которые по моей просьбе выдала вам компания "Гертц". В багажнике вы найдете подержанные рюкзак и компас. Да, кстати, - полковник Джонс оторвал взгляд от списка, - личное оружие у вас при себе?

- При мне - "вальтер ППК" в кобуре "Берне Мартин".

- Мне необходим номер пистолета, чтобы внести его в бланк разрешения на ношение оружия, оформленный на предъявителя. Если вас задержат и полицейский рапорт попадет ко мне - никаких проблем, у меня наготове соответствующее объяснение.

Бонд достал пистолет и зачитал номер, который полковник Джонс занес в бланк, после чего протянул его Бонду.

- Теперь перейдем к картам. Местная, выпущенная компанией "Эссо" - это все, что вам нужно, чтобы добраться до места. - Полковник Джонс встал из-за стола, обошел его, с картой в руке и расстелил ее перед Бондом. - Вы следуете по шоссе 17 обратно в сторону Монреаля, сворачиваете по мосту на шоссе 37 у Святой Анны, а затем, вновь переехав через реку, на шоссе 7. По нему доедете до Пайк-Ривер, свернете на шоссе 52 и двинетесь в сторону Стэнбриджа, где повернете направо на дорогу, ведущую в Фрелигсбург, и там оставьте машину у автомастерской на стоянке. Все шоссе имеют хорошее покрытие, поэтому поездка должна занять не более пяти часов, включая остановки в пути. Пока все ясно? А вот теперь слушайте внимательно, чтобы ничего не перепутать. Постарайтесь попасть во Фрелигсбург часа в три утра. В

это время дежурный персонал еще будет досматривать последние сны, и вы сможете спокойно достать из багажника все свое снаряжение и покинуть мастерскую - никто не обратит на вас внимание, даже если бы вы были китайцем с двумя головами.

Полковник Джонс снова сел в кресло и вынул из досье еще два листка. Один из них представлял собой набросанную карандашом карту, а другой оказался частью снятой с воздуха фотографии. Строго взглянув на Бонда, Джонс сказал:

- Это единственный "взрывоопасный" предмет, который вы будете иметь при себе, и мне хотелось бы надеяться, что вы избавитесь от него, как только он станет ненужным или появится опасение, что вы попадете в беду. Вот это, - он передал листок Бонду, - примерный план старой дороги, ею пользовались контрабандисты во времена "сухого закона". Сейчас она безлюдна, иначе я бы не порекомендовал ее. - Полковник Джонс криво усмехнулся. - Правда, вам могут попасться навстречу довольно неприятные типы, которые имеют обыкновение стрелять не задумываясь - жулики, наркоманы, торговцы живым товаром, хотя сейчас они следуют в основном северным маршрутом вдоль Вайкаунта. А этим путем пользовались контрабандисты, совершавшие рейсы между Франклином, расположенным совсем рядом с Дерби-Лайн и Фрелигсбургом. По ней вы пересечете холмистую местность, обойдете Франклин и приблизитесь к подножию Зеленых гор. Они густо заросли вермонтской елью, сосной и в отдельных местах - кленом. Можно провести там несколько месяцев и не увидеть ни одной живой души. Затем вы пересечете открытую местность и пару автострад так, чтобы водопад Энсбург остался к западу от вас. Преодолев крутую гряду, вы окажетесь в начале нужной вам долины. Крестиком помечено Лейк-Эко, и, если судить по фотографиям, я бы рекомендовал спуститься к нему с востока. Вам все понятно?

- Сколько же это получится, миль десять?

- Десять с половиной или примерно три часа хода от Фрелигсбурга, если не собьетесь с пути. Вы должны быть на месте около шести утра, причем примерно в течение часа вы будете идти при свете, это поможет легче сориентироваться на последнем отрезке пути.

Полковник Джонс наклонился над квадратным снимком, полученным путем аэрофотосъемки, который представлял собой центральную часть фотографии, показанной Бонду в Лондоне. На нем был виден длинный ряд приземистых ухоженных строений из обтесанного камня с черепичными крышами. Можно было разглядеть изящные, выступающие вперед окна и закрытый внутренний дворик. Главный подъезд выходил на немощеную дорогу, к которой примыкали гаражи и какие-то строения, похожие на собачьи конуры. Со стороны сада дом опоясывала выложенная каменными плитами терраса, вдоль нее были высажены цветы, и далее на площади в два-три акра ухоженная лужайка спускалась вниз, к берегу небольшого озера, которое, скорее всего, появилось в результате возведения глубоко уходящей под воду каменной плотины. Там, где плотина соединялась с сушей, стояло несколько металлических садовых стульев и столиков, а посредине плотины был сооружен трамплин с ведущей из воды лестницей. Сразу же за озером поросший лесом холм круто поднимался вверх, и именно его полковник Джонс предложил выбрать для подхода. Людей на фотографии не было, но на каменных плитах перед двориком стояло несколько предметов дорогой алюминиевой садовой мебели и стеклянный столик с напитками. Бонд вспомнил, что на большой фотографии были видны теннисный корт в саду, а по другую сторону дороги - конюшни и пасущиеся за аккуратно выкрашенной в белый цвет изгородью лошади. Лейк-Эко, видимо, было шикарным местом отдыха на природе, вдали от намеченных для атомных бомбовых ударов целей, для миллионера, который предпочитает уединение и, возможно, покрывает часть своих текущих расходов за счет прибыли от конной фермы и

выгодной сдачи имущества в аренду. Великолепное место, где мог бы укрыться на время человек, у которого за плечами десять бурных лет карибской политики и которому необходим отдых для "подзарядки батарей". А озеро могло пригодиться, чтобы смыть кровь с рук.

Полковник Джонс закрыл опустевшее досье, разорвал отпечатанный на машинке список на мелкие кусочки и бросил их в корзину для мусора. Оба встали из-за письменного стола, полковник Джонс проводил Бонда до двери, протянул руку и сказал:

- Ну вот, пожалуй, и все. Я многое бы отдал, чтобы оказаться рядом с вами. Инструктаж напомнил мне о нескольких снайперских вылазках в конце войны, когда я служил в восьмом армейском корпусе под командованием Монтгомери. Мы располагались на левом фланге фронта в Арденнах. Местность была похожа на ту, которую вам предстоит преодолеть, только деревья другие. Ну, а служба в полиции вам знакома - много бумажной работы, и главное - суметь продержаться до выхода на пенсию. Что ж, прощайте и желаю удачи. Как бы дело ни повернулось, я наверняка прочту обо всем в газетах, - закончил он с улыбкой.

Бонд поблагодарил его и пожал протянутую руку. В последний момент он догадался справиться:

- Кстати, винтовка одинарного или двойного действия? По виду-то не определишь, а при появлении цели у меня вряд ли будет много времени для экспериментирования.

- Одинарного, причем спуск очень легкий. Советую не дотрагиваться до него, пока не будете уверены, что не промажете. И еще, не приближайтесь к этим типам на расстояние менее трехсот ярдов. Если не ошибаюсь, они очень неплохо стреляют. Так что держите дистанцию. - Он потянулся к дверной ручке, а свободной рукой тронул рукой Бонда за плечо:

- Наш комиссар часто говорит: там, где можно послать пулю, не посылайте людей. Советую запомнить. Прощайте, командер.

Бонд провел ночь и большую часть следующего дня в мотеле "Коузи мотор корт" на окраине Монреаля, заплатив вперед за трое суток. Днем он разбирался в своем снаряжении и немного походил в мягких альпинистских сапогах на рифленой резиновой подошве, которые приобрел в Оттаве. Он также купил таблетки глюкозы, немного копченой ветчины и хлеба для сэндвичей, а кроме того, большую алюминиевую фляжку, которую заполнил виски, разведенным на четверть кофе. После наступления темноты он поужинал; немного поспал, затем развел в ванне галлон красящего под грецкий орех вещества и тщательно вымылся в приготовленном растворе, не забыв промыть и голову. Теперь он выглядел как краснокожий индеец с серо-голубыми глазами. Была уже почти полночь, когда он бесшумно открыл боковую дверь, ведущую к автостоянке, сел в машину и направился на юг в сторону Фрелигсбурга, чтобы преодолеть последний отрезок ПУТИ.

Рабочий открытой круглые сутки автомастерской оказался не таким заспанным, как предполагал полковник Джонс.

- Мистер собрался на охоту?

В Северной Америке можно очень хорошо объясниться лаконичными утвердительными или отрицательными восклицаниями, произносимыми с различными модуляциями голоса, типа "э", "а?" или "ага", перемежая их словечками вроде "конечно", "наверно", "неужели", "ЧУШЬ" и тому подобное, которые годятся практически для любых возможных ситуаций.

Перекинув ремень винтовки через плечо, Бонд ответил:

- Ага.

- В прошлую субботу один охотник подстрелил прекрасного бобра в районе

Хайгейт-Спрингс.

- Неужели? - спросил Бонд безразлично, расплатился за двое суток и вышел на улицу. У последних домов он сделал краткую остановку. Отсюда ему предстояло пройти вдоль шоссе ярдов сто до того места, где немощенная дорога отходила вправо от шоссе в сторону леса. По ней он прошагал минут тридцать, пока она не кончилась у полуразрушенного строения фермы. Собака на цепи залилась бешеным лаем, но свет в окнах не появился. Бонд обогнул дом и сразу же обнаружил идущую вдоль ручья тропу, по которой ему предстояло пройти три мили. Он прибавил ходу, пытаясь отделаться от собаки. Когда лай прекратился, наступила тишина - глубокая бархатная тишина ночного леса. Ночь была теплой, светила полная желтая луна, свет ее, проникая сквозь густо растущие ели, позволял Бонду без труда придерживаться маршрута. В альпинистских сапогах на пружинящей мягкой подошве идти было легко, и Бонд обрел второе дыхание, почувствовав уверенность, что преодолеет расстояние с хорошей скоростью. Около четырех утра деревья начали редеть, и вскоре он уже шагал по открытому пространству, видя справа от себя разбросанные в беспорядке огни Франклина. Он пересек местную асфальтовую дорогу, после которой ставшая шире тропа вновь углубилась в лес. По правую руку сквозь деревья можно было видеть слабый блеск поверхности озера. К пяти утра он уже оставил позади черные ленты американских автострад 108 и 120. Пересекая последнюю, он заметил дорожный знак с надписью "Водопад Эносбург -1 миля". Теперь ему предстояло пройти самую последнюю часть пути по узкой, круто поднимающейся вверх охотничьей тропинке. Отойдя на приличное расстояние от автостреды, он остановился, перекинул винтовку и рюкзак на другое плечо, выкурил сигарету и сжег нарисованный от руки план маршрута. На небе уже начали появляться первые бледные проблески зари, лес понемногу пробуждался от сна: раздался резкий меланхоличный крик не известной Бонду птицы, слышался шорох движения мелких животных. Бонд представил себе дом, расположенный далеко в глубине долины по другую сторону горы, которую ему предстояло преодолеть, - занавешенные окна, помятые сонные лица четырех человек, роса на лужайке и разбегающиеся широкими кругами по переливающейся серой поверхности озера первые лучи восходящего солнца. А отсюда, с этой стороны горы, к дому сквозь деревья подкрадывается палач. Бонд прогнал от себя эти мысли, затоптал окурки в землю и продолжил путь.

Интересно, это холм или гора? На какой высоте холм становится горой? Отчего серебристая кора берез никак не используется - ведь из нее можно было бы изготавливать очень полезные и ценные вещи? Лучшее, что есть в Америке, это бурундуки и жаркое из устриц. Вечером темнота на самом деле не опускается, а поднимается. Если сидеть на вершине горы и наблюдать, как солнце опускается за противоположную вершину, то темнота поднимается вверх из долины прямо к вашим ногам. Перестанут ли птицы когда-нибудь бояться человека? Прошло, должно быть, не одно столетие с тех пор, как в этих лесах человек последний раз убил мелкую птицу, чтобы приготовить себе пищу, а они все еще его боятся. Что был за человек Этан Аллен, который стоял во главе отряда парней с Зеленых гор Вермонта? Сейчас в американских мотелях для привлечения клиентуры рекламируется мебель Этана Аллена. Интересно, почему? Он что, сам изготавливал мебель? Армейские ботинки должны иметь резиновые подошвы, как на моих сапогах.

Размышляя на эти и другие внезапно возникавшие у него в голове темы, Бонд шаг за шагом поднимался в гору, упорно отгоняя от себя мысль о тех четверых, которые спали сейчас на белых подушках.

Круглая вершина оказалась ниже уровня деревьев, и Бонд потерял из вида лежащую внизу долину. Немного передохнув, он выбрал подходящий дуб и взобрался на одну из его крепких боковых ветвей. Теперь перед его глазами

открылась вся картина - нескончаемый массив Зеленых гор, простиравшихся во все стороны до самого горизонта, восходящий далеко на востоке ослепительный золотистый диск солнца, а под собой - на две тысячи футов полого спускающиеся верхушки деревьев с вкраплением лишь одной поляны и сквозь тонкую пелену тумана озеро, лужайки и сам дом.

Бонд прильнул всем телом к ветке дерева, наблюдая, как ранний бледный солнечный свет заполняет долину. Минут через пятнадцать лучи солнца достигли озера и сразу же как бы заиграли на блестящей поверхности лужайки и мокрых черепицах крыши. Дымка над озером быстро исчезла, и перед глазами появилась, как на пустой сцене, вся умытая росой, яркая и четкая цель.

Бонд достал из кармана оптический прицел и осмотрел каждый дюйм открывшейся картины. Затем изучил склон перед собой и прикинул возможное расстояние. От края поляны - единственного места, откуда можно было вести прямой огонь, не считая участка после последней полосы деревьев у кромки озера, - было примерно пятьсот ярдов до террасы и внутреннего дворика и около трехсот - до трамплина и края воды. Интересно, как эти люди проводят время? Чем они обычно занимаются? Ходят ли купаться? Погода была все еще довольно теплой. Ну что ж, в его распоряжении целый день. Если к вечеру они так и не выйдут к озеру, ему ничего не останется, как проверить свою меткость на расстоянии в пятьсот ярдов и достать их во внутреннем дворике. Но при стрельбе из чужой винтовки на это рассчитывать трудно. Быть может, стоит сразу переместиться на край поляны? Поляна была широкой, ярдов пятьсот пришлось бы двигаться в открытую. Пожалуй, стоит это сделать до того, как люди в доме проснутся. Кто знает, когда они по утрам встают?

Как бы в ответ на его вопрос в одном из небольших окон слева от основного здания белые жалюзи поползли вверх, и Бонд услышал громкий щелчок закрепляющего их в крайнем верхнем положении механизма. Да ведь это эхо! Недаром и озеро так называется. Слышно ли его в доме, если звук исходит отсюда? Надо ли стараться не наступать на ветки и засохшие побеги? Наверно, нет. В долине звук отражается от поверхности воды и распространяется вверх. Однако рисковать не следует.

Из трубы с левой стороны в небо поползла слабая струйка дыма. "Скоро начнут готовить яичницу с беконом и кофе", - подумал Бонд. Он осторожно отполз назад по ветке и спустился на землю. Сейчас он тоже перекусит, последний раз спокойно выкурит сигарету и окончательно переместится к линии огня.

Хлеб застревал в горле, и Бонд почувствовал, как нарастает внутреннее напряжение. Ему уже казалось, что он слышит приглушенный звук выстрелов. Он представил себе, как темная пуля, подобно медленно летящей пчеле, лениво движется вниз, в долину, в направлении кусочка розовой кожи. В момент попадания раздается легкий щелчок. Кожа вдавливается, разрывается, а затем стягивается вновь, оставляя на поверхности небольшое отверстие с рваными краями. Пуля продолжает свое неторопливое движение по направлению к бьющемуся сердцу, а ткани и кровеносные сосуды послушно раздвигаются в сторону, давая ей дорогу. Что это за человек, которого он собирался прикончить? Что плохого он сделал Бонду? Он задумчиво посмотрел на палец, которым предстояло нажать на спусковой крючок, медленно согнул его, мысленно ощущая холод металлического изгиба. Почти автоматически его левая рука потянулась за фляжкой. Он поднес ее к губам и запрокинул голову. Смесь кофе с виски слегка обожгла горло. Бонд завинтил крышку и подождал, пока тепло виски доберется до желудка. Затем он встал с земли, потянулся, широко зевнул, поднял винтовку и перебросил ремень через плечо. Потом внимательно огляделся, запоминая место, через которое придется подниматься в гору на обратном пути, и стал не спеша спускаться по поросшему лесом склону.

Тропа скоро кончилась, и он замедлил шаг, тихо продвигаясь вперед и стараясь

не наступать на засохшие ветки. Лес становился смешанным, среди елей и серебристых берез время от времени попадались дуб, бук и платан, а еще, местами, клен в пылающем осеннем убранстве. Под деревьями тянулась вверх редкая молодая поросль, валялось много валежника - свидетельство ураганных ветров. Бонд осторожно спускался по склону горы, почти бесшумно ступая по листьям и покрытым лишайником камням, но вскоре лесные обитатели почувствовали его присутствие и принялись оповещать об этом друг друга. Первой увидела его крупная самка оленя, сопровождаемая двумя похожими на Бемби оленятами, и тут же унеслась прочь, подняв страшный шум. Дятел в ярком оперенье, с ярко-красной головой летел впереди него, издавая пронзительный крик каждый раз, когда Бонд догонял его. И все время попадались бурундуки, которые застывали на задних лапах с оскаленными мордочками, пытаясь уловить его запах, а затем скрывались в вырытых среди камней норах с верещанием, которое, казалось, наполняло весь лес чувством страха. Бонд пытался внушить лесным обитателям, что им незачем его бояться, что винтовка, которую он нес на плече, не будет в них стрелять, но каждый раз, когда звучал новый сигнал тревоги, у него возникало предчувствие, что, дойдя до края поляны, он увидит на лужайке человека с биноклем, наблюдающего, как с верхушек деревьев срываются перепуганные птицы.

Однако когда он остановился, спрятавшись за последний широкий дуб, и бросил взгляд на просторную поляну, последнюю полосу деревьев и находившиеся за ними озеро и дом, то не заметил никаких перемен. Все остальные жалюзи оставались опущенными, и единственным движущимся предметом был струившийся из трубы тонкий дымок.

Было восемь часов утра. Бонд посмотрел на полосу леса за поляной, подыскивая подходящее дерево. Наконец его взгляд остановился на большом клене, выделявшемся своей ярко-коричневой и темно-красной листвой. На его фоне одежда Бонда не будет бросаться в глаза, а ствол был достаточно толстым. К тому же клен находился на некотором расстоянии от переднего ряда елей. Встав в полный рост рядом с деревом, он получит нужный угол обзора, видя перед собой озеро и дом. Еще несколько минут Бонд стоял не двигаясь, прикидывая дальнейший спуск по поляне, заросшей густой травой и золотарником. Придется ползти на животе, и довольно медленно. По поляне пробежал легкий ветерок. Как бы хотелось, чтобы он дул и дальше, приглушая вызываемые его передвижением звуки!

Где-то совсем близко, слева от кромки деревьев, треснула ветка - всего один раз и довольно громко, после чего наступила тишина. Бонд опустил на колено, обострив слух, всем своим нутром пытаясь определить, почему это произошло. В таком положении он оставался минут десять - неподвижной коричневой тенью, прислонившейся к широкому стволу дуба.

От прикосновения животных и птиц сучья не трещат. Треск засохших ветвей посылает им особый сигнал опасности. Птицы никогда не садятся на ветки, которые могут под ними переломиться, и даже такое крупное животное, как олень, который может обороняться рогами и копытами, передвигается по лесу очень тихо, кроме случаев, когда спасается бегством. А что, если эти люди все-таки выставили охрану? Бонд осторожно снял винтовку с плеча и дотронулся большим пальцем до предохранителя. Может, если они все еще спят, одиночный выстрел, прозвучавший высоко на лесистом склоне, будет принят за выстрел охотника или браконьера? Внезапно в пространстве, отделяющем его от того места, где, как ему показалось, раздался треск, из-за деревьев появились два оленя - длинными прыжками они пронеслись по поляне слева от него. Правда, дважды они останавливались, оглядываясь назад, но затем, пощипав травы, продолжали свой бег, пока не скрылись из вида среди растущих ниже по склону деревьев. В их движениях не было страха или поспешности. Ветка наверняка треснула у них под копытами. Бонд

вздыхнул с облегчением - обошлось! А теперь вперед, через поляну.

Проползти пятьсот ярдов в высокой, густой траве - задача не из легких. Вся нагрузка ложится на колени, локти и ладони, обзор ограничен травой и стебельками цветов, а пыль и мелкие насекомые лезут в глаза, нос и горло. Бонд сосредоточил все внимание на правильной работе рук, чтобы сохранить равномерный темп своего медленного продвижения вперед. Ветерок продолжал дуть, делая его движения незаметными для обитателей дома.

При взгляде сверху могло показаться, что в траве по поляне движется какое-то животное - не то бобер, не то сурок. Скорее всего - не бобер, ведь те всегда передвигаются парами. И все же, возможно, это был бобер, поскольку сейчас, со стороны верхнего края поляны, то ли предмет, то ли человеческое существо скрылось в высокой поросли, а позади и выше того места, где находился Бонд, в глубоком половодье травы появилась еще одна борозда. Впечатление было такое, что предмет или существо начинает медленно настигать Бонда и что две борозды сомкнутся у следующей полосы деревьев.

Бонд продолжал упорно ползти вперед, извиваясь всем телом и останавливаясь лишь для того, чтобы вытереть пот и пыль с лица, а также убедиться, что движется к клену. До полосы деревьев, за которыми его не было бы видно из дома, до клена оставалось совсем немного, примерно двадцать футов, когда он прекратил движение и перевернулся на мгновение на спину, массируя колени и вращая кистями рук перед последним отрезком пути.

Ничто не предвещало опасности, и когда Бонд услышал тихий угрожающий шепот, раздавшийся в густой траве всего лишь в нескольких футах слева, он обернулся так резко, что хрустнули шейные позвонки.

- Малейшее движение, и вы труп, - прошептал женский голос с такой яростью, что не было никаких оснований сомневаться в серьезности произнесенной угрозы.

Сердце чуть не выпрыгнуло из груди Бонда. Он поднял голову и увидел перед собой, дюймах в восемнадцати от головы, выглядывавший из-за стеблей треугольный наконечник отливающей синим цветом стальной стрелы. Положив арбалет горизонтально на траву, незнакомка натягивала тетиву загорелой рукой с побелевшими от напряжения суставами пальцев. Бонд разглядел тускло блестевшую стрелу и - за металлическим опереньем, частично скрытым качавшимися на ветру стеблями травы, - сжатые в решимости губы, и полные ярости глаза на загорелом вспотевшем лице. Кто бы это мог быть, черт побери, неужели кто-то из охраны? Бонд проглотил пересохшим горлом слюну и попытался медленно высвободить невидимую для противника правую руку, чтобы дотянуться до пистолета на поясе.

- Кто вы такая? - тихо спросил он. Наконечник стрелы угрожающе качнулся.

- Оставьте в покое пистолет, иначе я прострелю вам плечо. Вы из охраны?

- Нет, а вы?

- Не валяйте дурака. Чем вы тут занимаетесь? - Напряжение в голосе ослабло, но он по-прежнему звучал сурово и подозрительно. Бонд заметил легкий акцент, не то шотландский, не то уэльский.

Пора было объясниться - темно-синий наконечник стрелы выглядел чересчур угрожающе, поэтому Бонд произнес игривым тоном:

- А может, Робина Гуд, для начала вы уберете в сторону ваш заряженный арбалет, а потом я вам все расскажу?

- Поклянитесь, что не воспользуетесь пистолетом.

- Клянусь, но, ради Бога, давайте переместимся с середины поляны.

Не дожидаясь ответа. Бонд снова принялся ползти, работая локтями и коленями, - ему необходимо было сейчас захватить инициативу и удержать ее в своих руках. Кем бы ни оказалась эта молодая особа, от нее придется быстро и тихо избавиться, прежде чем начнется стрельба. Надо же такому произойти, как будто у него других

забот нет.

Бонд подполз к стволу дерева, осторожно встал на ноги и бросил быстрый взгляд через пламенеющую листву. Жалюзи на большинстве окон были подняты. Во внутреннем дворике две темнокожие горничные неторопливо накрывали к завтраку большой стол. Он правильно угадал - отсюда, поверх вершин деревьев, круто спускавшихся вниз к озеру, открывался великолепный обзор. Бонд снял с плеча винтовку и рюкзак и сел на землю, облокотившись спиной о ствол дерева. Незнакомка выбралась из травы и встала под кленом, продолжая держаться от Бонда на расстоянии. Стрела по-прежнему оставалась в арбалете, но не на боевом взводе. Они настороженно посмотрели друг на друга.

Девушка походила на прекрасную простоволосую дриаду. На ней была рубашка и брюки темно-зеленого цвета, измятые, забрызганные грязью, в пятнах и порванные в нескольких местах. Очень светлые волосы перевязаны золотарником, чтобы их не было видно, пока она ползла по поляне. В ее удивительном облике было что-то от дикого животного - большой чувственный рот, высокие скулы и серебристо-серые презрительные глаза. На руках и одной щеке выступила кровь от царапин, а на скуле той же щеки вздулся темным пятном небольшой синяк. Из-за левого плеча выглядывал колчан, набитый стрелами с металлическим опереньем. В дополнение к арбалету на поясе у нее был охотничий нож, а с другого бока свисала небольшая коричневая брезентовая сумка, очевидно, для еды. Она напоминала прекрасное грозное существо, знакомое с дикой природой, лесом, которые ее не путали. Казалось, она могла прожить здесь всю жизнь, практически не пользуясь благами цивилизации.

"Она просто великолепна", - подумал Бонд и улыбнулся ей, промолвив мягким успокаивающим тоном:

- Вас, очевидно, зовут Робина Гуд, а мое имя Джеймс Бонд. - Он потянулся за фляжкой, открыл крышку и протянул знакомке:

- Присядьте и отведайте этой..., смеси огненной воды и кофе. Могу также предложить вяленого мяса. Или роса и ягоды - все, чем вы питаетесь?

Она приблизилась на шаг и села на землю в ярде от Бонда в позе индейцев, широко раскинув колени и подобрав под себя ноги, взяла фляжку и сделала глубокий глоток, запрокинув голову, после чего молча вернула ее Бонду. Без улыбки она с неохотой произнесла "спасибо", вынула стрелу из арбалета и сунула ее обратно в полный колчан.

- Вы, наверное, браконьер, - произнесла она, пристально глядя на него, ведь сезон охоты на оленей открывается только через три недели. Все равно оленей вы здесь не найдете - они лишь ночью спускаются так низко. А днем следует забраться повыше, гораздо выше. Могу показать вам, где обитает довольно большое стадо. Сейчас, правда, уже поздновато, но у вас достаточно времени, чтобы туда добраться до наступления темноты. К ним надо подойти с подветренной стороны, а вы, похоже, умеете незаметно подкрадываться, у вас это получается почти бесшумно.

- Так вы здесь оказались, чтобы поохотиться? Могу я взглянуть на вашу охотничью лицензию?

Без возражений она вынула белый листок бумаги из одного из нагрудных, на пуговице, карманов рубашки и протянула его Бонду.

Лицензия была выдана в Берлингтоне, штат Вермонт, на имя Джуди Хэвлок. Среди перечисленных категорий лиц и видов охоты были отмечены графы "гостевая" и "гостевая с использованием арбалета". Стоимость лицензии составляла восемнадцать долларов пятьдесят центов, которые должны быть уплачены службе контроля рыбных ресурсов и дичи, расположенной в Монпелье, штат Вермонт. В графах "возраст" и "место рождения" Джуди Хэвлок поставила "18 лет" и "Ямайка".

"Боже мой, - подумал Бонд и вернул ей листок. - Значит, сегодня - день

расплаты".

- Вы молодец, Джуди. Прodelать такой путь с Ямайки! Так вы собирались прикончить его стрелой из арбалета? Есть такая китайская поговорка: "Прежде чем приступить к отмщению, надо выкопать две могилы". Вы об этом позаботились или рассчитываете, что вам удастся безнаказанно улизнуть? - спросил он с симпатией и уважением в голосе.

Девушка внимательно посмотрела на него.

- Кто вы такой, что вас сюда привело и откуда у вас эти сведения?

Бонд на секунду задумался. Из этой неловкой ситуации был только один выход - действовать с ней заодно. Надо же было так вляпаться!

- Вы теперь знаете, как меня зовут. Меня направили сюда из Лондона.., из Скотленд-Ярда. Мне известно абсолютно все о ваших бедах, и я оказался здесь, чтобы кое-что уладить и обезопасить вас от этой компании. В Лондоне полагают, что обитатель этого дома, возможно, начнет оказывать на вас как хозяйку имения давление и что есть только один способ помешать ему в этом, - сказал он, понимая, что отпираться бесполезно.

В голосе Джуди появились нотки горечи:

- У меня был любимый пони породы "паломино". Три недели назад они его отравили. Потом пристрелили мою овчарку. После этого я получила письмо, в котором говорилось: "У смерти много рук, и одна из них занесена над вашей головой". Мне было предложено поместить в определенный день коротенькое извещение в колонке частных объявлений со словами: "Обязуюсь повиноваться. Джуди". Когда я обратилась в полицию, мне там пообещали выставить полицейскую охрану, и не более того. По мнению полиции, речь шла о кубинцах, поэтому на ее помощь нельзя было рассчитывать. Тогда я отправилась на Кубу, остановилась в самом шикарном отеле и несколько раз поставила на крупные ставки в казино. Она слегка улыбнулась и продолжала:

- Я, конечно, одевалась совсем по-другому - лучшие наряды и семейные драгоценности. Люди вокруг старались мне помочь, отвечая на мое хорошее к ним отношение, - я ведь понимала, что только так можно было бы что-то разузнать. Я все время задавала вопросы, делая вид, что приехала на Кубу в поисках острых ощущений, посмотреть, что представляет собой преступный мир, увидеть настоящих гангстеров и тому подобное. В конце концов мне удалось выведать кое-что об этом человеке. - Она указала рукой на дом. - Он покинул Кубу после того, как Батисте что-то рассказали про него. К тому же у него была масса врагов. Мне много про него наговорили, и наконец я познакомилась с одним человеком, вроде бы высоким полицейским чином, который сообщил мне все остальное после того, как я... - тут она заколебалась и отвела глаза от Бонда, - сделала то, что он просил. - После кроткой паузы она продолжила свой рассказ:

- С Кубы я отправилась в Америку. Я где-то прочла о детективном бюро "Пинкертон", оплатила услуги и попросила установить адрес этого человека. Она повернула лежащие на коленях руки ладонями вверх и посмотрела на Бонда с вызовом:

- Вот и все.

- А как вы добрались сюда?

- Самолетом до Берлингтона, а дальше пешком четыре дня через Зеленые горы, стараясь не попадаться людям на глаза. Я к этому привыкла. Наш дом на Ямайке находится в горах, более труднодоступных, чем эти, да и людей, крестьян, там чаще можно встретить. А здесь, похоже, никто и пешком не ходит - все на машинах.

- В чем же состоит ваш план?

- Я застрелю фон Хаммерштейна и вернусь пешком в Берлингтон, - ответила она таким обычным голосом, будто сообщила, что собирается сорвать дикий цветок.

Снизу, из долины, донеслись голоса. Бонд вскочил на ноги и бросил быстрый взгляд сквозь ветки дерева. Во внутреннем дворике появились трое мужчин и две девушки. Переговариваясь между собой и смеясь, они расселись за столом. Во главе стола, между девушками, одно место оставалось свободным. Бонд достал оптический прицел и подсмотрел вниз. Мужчины были довольно низкорослыми, с сильным загаром. Тот, кто все время улыбался и чья одежда выглядела самой опрятной и щегольской, очевидно, Гонсалес, а двое других казались неотесанными крестьянами. Они сели рядом в конце продолговатого стола и не принимали участия в разговоре. Девуцы - две темные брюнетки - имели вид дешевых кубинских шлюх. На них были яркие купальники и украшения из золота. Они без умолку смеялись и болтали, как смазливый мартышки. Слова долетали почти без искажения и их можно было бы разобрать, но разговор шел на испанском.

Бонд почувствовал присутствие Джуди, стоявшей всего лишь в ярде позади него, и протянул ей прицел, сказав при этом:

- Опрятно одетого низкорослого человека зовут майор Гонсалес, а в конце стала сидят телохранители. Девуц я не знаю. Фон Хаммерштейн пока не появился.

Джуди быстро посмотрела через прицел и молча протянула его обратно. "Догадалась ли она, что перед ней убийцы ее родителей?" - подумал Бонд.

Девуцы обернулись и посмотрели на ведущую в дом дверь. Одна из них произнесла что-то похожее на приветствие. В лучах солнца показался приземистый, плотно сбитый, почти голый человек. Неторопливо обогнув стол, он подошел к тому месту, где вымощенная плитами терраса переходила в лужайку, и приступил к пятиминутной физ-зарядке.

Бонд внимательно рассмотрел его через прицел - рост около пяти футов четырех дюймов, плечи и ноги боксера, но с начинающим заплывать жирком животом, густая черная поросль, покрывающая грудь, лопатки, руки и ноги. И как контраст - полное отсутствие растительности на лице и голове, блестящая желто-белая кожа, обтягивающая череп, глубокая вмятина на затылке - либо след от раны, либо оставшийся после трепанации шрам. Лицо типичного прусского офицера с прямоугольными, тяжеловесными и выдающимися вперед чертами. И в то же время - свинячьи, близко посаженные глазки под нависающими голыми бровями, большой рот с отвратительными толстыми мокрыми малиновыми губами. На нем не было ничего, кроме полоски черной материи размером чуть больше спортивного пояса, обернутой вокруг живота, и массивных золотых наручных часов с золотым браслетом. Бонд вновь передал прицел Джуди, почувствовав облегчение, - фон Хаммерштейн оказался в действительности ненамного лучше той отвратительной личности, о которой шла речь в досье М.

Бонд наблюдал за выражением лица Джуди - суровая, чуть ли не жестокая складка, появившаяся вокруг ее рта в то время, как она наблюдала за человеком, которого собиралась убить. Как же с ней поступить? Ее присутствие не сулило ему ничего, кроме вороха проблем. Она могла даже помешать осуществлению его плана, настаивать на каком-то своем участии с этим дурацким арбалетом и стрелами. Понимая, что он не может позволить себе рисковать, Бонд принял окончательное решение: легкий удар по затылку, кляп в рот - и она останется связанной до конца операции. Бонд украдкой протянул руку к прикладу винтовки.

С видом полного безразличия Джуди отошла на несколько шагов назад, наклонилась, положила прицел на землю и взяла арбалет. Затем вытащила из висевшего на плече колчана стрелу, привычным движением приставила ее к тетиве, посмотрела исподлобья на Бонда и тихо произнесла:

- Не дурите и не подходите слишком близко. Я обладаю так называемым широким углом зрения и не для того проделала весь этот путь, чтобы получить удар по голове от туповатого лондонского полицейского. С расстояния пятидесяти ярдов я

никогда не промахиваюсь, удавалось поражать летящих птиц и со ста ярдов. Не хотелось бы прострелить вам ногу, но придется это сделать, если вы попытаетесь мне помешать.

Проклиная свою ранее проявленную нерешительность, Бонд зло сказал:

- Не будьте душой и опустите ваше дурацкое устройство - это мужское дело. Как можно, черт побери, уложить четырех человек из арбалета?

В глазах Джуди появился упрямый блеск. Правая нога приняла стойку для стрельбы, и сквозь сжатые зубы она со злобой произнесла:

- Убирайтесь ко всем чертям и не суйте свой нос в это дело. Они убийцы моих, а не ваших родителей. Я уже провела здесь целые сутки, знаю их распорядок дня и составила план, как прикончить Хаммерштейна. На других мне наплевать, они без него ничто. А теперь, - она натянула тетиву наполовину, наведя стрелу в упор на лицо Бонда, - либо вы будете следовать моим указаниям, либо пеняйте на себя. И не думайте, что я шучу. Это мое личное дело, я поклялась довести его до конца, не останавливаясь ни перед чем. Итак? - Она вызывающе вскинула голову.

Бонд мрачно взвесил ситуацию, бросив взгляд на умопомрачительно красивую, диковатую девушку. В ее жилах текла добрая, неразбавленная английская кровь с примесью горячности от проведенного в тропиках детства, что представляло собой довольно гремучую смесь. Сейчас она довела себя до состояния контролируемой истерии. Он был почти наверняка уверен, что она и глазом не моргнет перед тем, как вывести его из игры. И у него не было против нее никаких средств защиты ее оружие было бесшумным, а его подняло бы на ноги всю округу. Единственная оставшаяся надежда - попробовать склонить ее на свою сторону, поручить ей часть задачи, а остальное он доведет до конца сам.

- Послушайте, Джуди, - спокойно произнес он, - если вы настаиваете на своем участии, разумнее было бы действовать вместе. Только так можно рассчитывать на успешный исход, при котором мы останемся живы. Такого рода операции - моя профессия. Я получил приказ выполнить эту задачу от..., близкого друга вашей семьи, если уж вам так хочется это знать. И мое оружие как раз предназначено для такой операции - дальность его стрельбы почти в пять раз превышает дальность вашего арбалета. Я мог бы рискнуть достать его прямо сейчас, во внутреннем дворике, по этот шанс не настолько хорош, чтобы я им воспользовался. Посмотрите, несколько человек вышли из дома одетыми для купания, значит, они наверняка спустятся к озеру. И тогда уж придет мой черед, а вы могли бы прикрывать меня. Тем самым вы оказали бы мне большую помощь, добавил он нерешительно.

- Нет, так дело не пойдет, - сказала она, решительно тряхнув головой, - вы можете обеспечивать прикрытие сколько вам заблагорассудится, мне, в конце концов, это безразлично. Вы не ошиблись, когда сказали, что они скоро пойдут купаться. Вчера это было часов в одиннадцать. Сегодня стоит такая же теплая погода, и они наверняка опять будут купаться. Я их достану из-за деревьев, растущих прямо у воды, - вчера я нашла самое подходящее для этого место. Охранники не расстаются с оружием - что-то вроде короткоствольных автоматов. Они никогда не купаются, оставаясь на берегу на страже. Я точно рассчитала момент, когда уберу фон Хаммерштейна, и прежде чем они сообразят, что же произошло, я буду уже далеко от озера. Я уже сказала вам, что заранее все спланировала. Оставаться здесь я больше не могу - мне еще раньше следовало вернуться на выбранную позицию. Сожалею, но если вы немедленно не примете мои условия, у меня не будет другого выбора. - И она приподняла арбалет на несколько дюймов вверх.

"Черт бы побрал эту девчонку", - подумал про себя Бонд, сказав со злостью вслух:

- Ваша взяла, но предупреждаю - если мы унесем ноги отсюда, я вам так всыплю, что на целую неделю места живого не останется. - Он пожал плечами и добавил с

отрешенностью в голосе:

- Начинайте, а я возьму на себя остальных. Встретимся здесь, если уцелеете, а нет - я сойду вниз подобрать то, что от вас останется.

Джуди освободила арбалет от лямки и произнесла полным безразличия голосом:

- Рада, что вы вняли разуму. Вытащить стрелу из раны стоит большого труда. Обо мне не беспокойтесь, смотрите, чтобы вас не заметили, и постарайтесь, чтобы солнце не попало на оптический прицел. - Она улыбнулась Бонду короткой улыбкой, в которой сквозила жалость и самодовольство женщины, оставившей за собой последнее слово, повернулась к нему спиной и начала пробираться вниз между деревьями.

Бонд смотрел вслед гибкой темно-зеленой фигурке до тех пор, пока она не скрылась за стволами деревьев, потом нетерпеливо схватил оптический прицел и вернулся на свой наблюдательный пункт. "Черт с ней, - подумал он, - пора выбросить эту глупую дурочку из головы и сосредоточиться на предстоящей операции". Быть может, он не исчерпал всех возможностей и мог бы поступить как-то по-другому? Теперь ему не оставалось ничего, иного, как ждать, когда она произведет первый выстрел, а это плохо. Но если бы первым открыл огонь он, еще неизвестно, как повела бы себя эта сумасбродка. На минуту Бонд предался приятным размышлениям, что он сделает с этой девчонкой после того, как все будет кончено. Затем перед домом произошло какое-то движение, он выбросил эти соблазнительные мысли из головы и поднес прицел к глазам.

Две горничные были заняты тем, что убирали остатки завтрака со стола. На террасе не было видно ни девиц, ни охранников. Откинувшись на подушки садовой кушетки, фон Хаммерштейн углубился в газету, время от времени комментируя что-то для майора Гонсалеса, который находился в ногах кушетки, сидя верхом на железном садовом стуле. Во рту у него была сигара, и он периодически прикрывал рот рукой, наклоняясь в сторону и сплевывая кусочки табачного листа на землю. Бонд не мог разобрать, что говорил фон Хаммерштейн, но уловил, что тот говорил по-английски и что Гонсалес отвечал тоже по-английски. Бонд посмотрел на часы - было десять тридцать утра. Картина казалась настолько статичной, что Бонд присел на корточки спиной к двери и начал тщательно проверять винтовку, помня, впрочем, для чего она ему вскоре понадобится.

Бонда отнюдь не радовала предстоящая работа, и, находясь здесь, вдали от Англии, он должен был постоянно напоминать себе, с какими людьми ему придется иметь дело. Смерть Хэвлоков явилась результатом особо отвратительного убийства. Фон Хаммерштейн и его громилы были крайне мерзкими типами, и в мире нашлось бы немало людей, готовых с великой радостью убить их, как это собиралась сделать Джуди, из чувства личной мести. Но у Бонда было иное положение, в отношении этих людей отсутствовали личные мотивы. Для него это было не более чем работой - такой же, как работа сотрудника службы по борьбе с эпидемиями, которому положено уничтожать крыс. Он был как бы государственным палачом, которого М, назначил осуществить казнь от имени человеческого сообщества. В каком-то смысле, убеждал себя Бонд, эти люди были врагами Англии в такой же степени, как агенты СМЕРШа или секретных служб других стран-противников. Они вели объявленную войну против английского народа на английской территории, а сейчас они планировали еще одну враждебную вылазку. Мысленно Бонд продолжал искать все новые и новые доводы, чтобы подкрепить свою решимость. Они убили пони и собаку Джуди, прихлопнув их, как мух, они...

Прозвучавшая из долины очередь из автоматического оружия заставила Бонда вскочить на ноги. Когда раздалась вторая очередь, он уже выбирал цель через прицел винтовки. Вслед за грохотом выстрелов послышались смех и аплодисменты.

Зимородок - комок голубых и серых перьев - с глухим стуком упал на лужайку и задергался на траве. Из дула автомата, который фон Хаммерштейн держал в руках, все еще клубился дымок, когда он сделал несколько шагов, наступил пяткой на поверженную птицу и резко крутанул ее, затем поднял ногу и вытер пятку о траву рядом с комком перьев. Остальная компания стояла неподалеку, лъстиво смеясь и аплодируя. Малиновый рот фон Хаммерштейна расплылся в довольной гримасе. Из того, что он сказал, можно было разобрать слова "мастерский выстрел". Он отдал автомат одному из охранников, вытер руки о заплывший жиром зад и что-то резко сказал девицам, которые бросились в дом. После этого он повернулся и неторопливо направился по склону лужайки к озеру в сопровождении оставшихся мужчин. В этот момент из дома появились девицы, каждая с пустой бутылкой из-под шампанского в руке. Вереща и смеясь, они бросились вдогонку за мужчинами.

Бонд начал готовиться к стрельбе, закрепил оптический прицел на стволе винтовки и занял позицию у ствола дерева. Бугорок на поверхности ствола служил ему опорой для левой руки, он установил прицел на риске "300" и навел винтовку на всю стоявшую у озера группу. Затем, перехватив винтовку поудобнее, облокотился о ствол дерева и продолжил наблюдение.

Охранники, похоже, собирались поупражняться в меткости. Вставив новые магазины, они по команде Гонсалеса заняли позицию на плоской каменной поверхности плотины на расстоянии двадцати футов друг от друга по обе стороны трамплина, повернувшись спиной к озеру и держа оружие наготове.

Фон Хаммерштейн подошел к краю газона, держа в каждой руке по бутылке из-под шампанского, а девицы расположились у него за спиной, закрыв уши руками и возбужденно вереща что-то по-испански. Раздавались взрывы хохота, но охранники оставались безучастными. Через прицел было видно, как заострились их черты лица от внутреннего напряжения.

Фон Хаммерштейн рявкнул команду, и наступила тишина. Он занес обе руки назад и сосчитал по-испански "раз, два, три". При счете "три" Хаммерштейн швырнул обе бутылки высоко вверх в сторону озера.

Как две марионетки, охранники повернулись, держа оружие у бедра, и открыли огонь, еще не закончив поворот. Грохот пальбы взорвал мирную сцену, возносясь вверх от поверхности озера. Сидевшие на деревьях птицы с криком взмыли в воздух, а в озеро начали падать срезанные выстрелами мелкие ветки. Бутылка, пущенная левой рукой, разлетелась в пыль, а подброшенная правой, в которую попала всего лишь одна пуля, через долю секунды раскололась надвое. Осколки стекла попадали на середину поверхности озера, вызвав легкие фонтанчики брызг. Победителем вышел охранник, стоявший слева. Пороховой дым, слившийся над ним в одну струйку, проплыл над лужайкой. Громкое эхо постепенно затихало. Охранники сошли с плотины на траву, причем второй выглядел растерянным, а у первого на лице появилась хитрая ухмылка. Фон Хаммерштейн поманил пальцем девиц, и те с неохотой приблизились, волоча ноги и надув губы. Фон Хаммерштейн спросил что-то у победителя, который указал на девицу слева. Та уныла посмотрела на него. Гонсалес и Хаммерштейн захохотали. Хаммерштейн дотянулся до нее рукой, похлопал по задку, как корову, и что-то сказал по-испански, из чего Бонд разобрал слова "одну ночь". Девица посмотрела на него исподлобья и послушно кивнула головой. Компания разошлась в разные стороны. Выбранная в качестве приза девица с разбега бросилась в воду, очевидно, чтобы отделаться от завоевавшего ее ласки охранника. Вторая последовала за ней. Они поплыли на середину озера, раздраженно обмениваясь словами. Майор Гонсалес снял пиджак, разложил на траве и уселся на него. Из кобуры под мышкой выглядывала рукоятка автоматического пистолета среднего калибра. Он наблюдал, как фон Хаммерштейн снял часы и направился по плотине к трамплину. Охранники отошли на некоторое

расстояние от озера и также наблюдали за фон Хаммерштейном и девицами, которые уже достигли середины маленького озера и продолжали плыть к противоположному берегу. Они держали оружие в руках, время от времени один из них обводил взглядом сад или посматривал в сторону дома. "Понятно, почему фон Хаммерштейн смог уцелеть - все эти долгие годы он принимал необходимые меры предосторожности", - подумал Бонд. Фон Хаммерштейн взобрался на трамплин, подошел к краю и посмотрел вниз на воду. Бонд весь напрягся и снял спусковой крючок с предохранителя. Его загоревшиеся яростью глаза превратились в узкие щелочки. Оставались какие-то секунды, и его палец, лежащий на дужке спускового крючка, начало жечь. Какого черта медлит Джуди?

Фон Хаммерштейн приготовился к прыжку, слегка согнул колени и отвел назад руки. Через прицел Бонду было видно, как густые волосы на лопатках шевелились на легком ветру, погнавшем рябь по поверхности озера. Руки двинулись вперед, через долю секунды ноги оторвались от трамплина, хотя тело все еще оставалось в почти вертикальном положении. Именно в эту долю секунды что-то серебристое вонзилось ему в спину, а затем тело фон Хаммерштейна мягко вошло в воду.

Гонсалес вскочил на ноги и с удивлением уставился на расходившиеся после прыжка круги по поверхности. Его рот был приоткрыт, и он чего-то ждал, все еще сомневаясь в реальности происходящего. У охранников, видимо, сомнений не было - с оружием наготове, пригнувшись, они поглядывали то на Гонсалеса, то на деревья за плотиной, ожидая приказа.

Круги медленно разошлись по воде, вызвав рябь на поверхности. Прыжок оказался глубоким.

У Бонда пересохло во рту. Он облизнул губы, наблюдая за озером через прицел. Из глубины, медленно покачиваясь, поднималась розовая масса, и наконец тело фон Хаммерштейна, лицом вниз, появилось на слегка подернутой рябью поверхности. Из-под левой лопатки торчал стальной прут длиной около фута, и лучи солнца играли на алюминиевом оперении.

Майор Гонсалес отдал резкий приказ, и из дула двух автоматов с ревом вырвалось пламя. Бонд слышал, как внизу под ним пули с треском врезались в деревья. Он почувствовал отдачу в плечо, и стоявший справа охранник медленно упал лицом вниз. Другой бросился к озеру, продолжая вести огонь с бедра короткими очередями. Бонд выстрелил, промахнулся, затем выстрелил снова. Ноги охранника подкосились, но силой инерции его по-прежнему несло вперед, и он рухнул в воду, продолжая нажимать на спусковой крючок и беспорядочно палить в голубое небо, пока водой не залило спусковой механизм.

Секунды, затраченные на лишний выстрел, позволили Гонсалесу укрыться за телом первого охранника и открыть огонь из автомата по Бонду. Непонятно было, видел ли он Бонда или ориентировался на вспышки выстрелов из его винтовки, но стрелял Гонсалес довольно метко. Одна за другой пули вонзались в клен, и кусочки коры сыпались Бонду в лицо. Он сделал два выстрела и увидел, как дернулось мертвое тело охранника - слишком низко! Бонд перезарядил винтовку и вновь прицелился. Срезанная пулей ветка зацепилась за винтовочный ствол. Пока Бонд стряхивал ее, Гонсалес вскочил на ноги и бросился туда, где стояла садовая мебель, перевернул металлический стол и укрылся за ним как раз в тот момент, когда две посланные Бондом пули подняли фонтанчики земли у его ног. Спрятавшись за таким надежным укрытием, Гонсалес открыл более прицельный огонь - пули, выпускаемые очередями то с правой, то с левой стороны стола, продолжали врезаться в клен, в то время как Бонд отвечал одиночными выстрелами, которые попадали в выкрашенную белой краской садовую мебель или со свистом проносились над лужайкой. Поймать цель в оптический прицел то с одной, то с другой стороны стола было довольно трудно, а Гонсалес ловко менял позицию. Вновь и вновь его пули с глухим стуком

врезались в ствол вблизи или чуть выше места, где находился Бонд. Он нагнулся и перебежал вправо. Теперь он сможет вести огонь стоя, через открытое пространство поляны, и попытается застать Гонсалеса врасплох. Уже на бегу он заметил, что Гонсалес метнулся из-за стола, также решив положить конец безрезультатной дуэли - он рассчитывал проскочить через плотину, добраться до леса и попробовать достать Бонда оттуда. Бонд поднялся на ноги и вскинул винтовку, но Гонсалес в этот момент увидел его, опустился на колено на плотине и выпустил очередь в Бонда. Тот под свист пуль хладнокровно поймал в перекрестье прицела грудь Гонсалеса и нажал на спусковой крючок. Гонсалес покачнулся, попытался удержаться на ногах, взмахнул руками и, по-прежнему сжимая в руке изрыгающий в небо огонь автомат, тяжело плюхнулся лицом вниз в воду.

Бонд не сдвинулся с места, наблюдая, появится ли лицо на поверхности. Оно не появилось. Бонд медленно опустил винтовку и провел тыльной стороной ладони по лицу.

Многократное эхо, эхо кровавого спектакля, прокатилось по долине. Справа от себя, на большом расстоянии, он краем глаза увидел бегущих к дому девиц. Скоро, если горничные еще не сделали этого, они расскажут обо всем полиции. Пора уходить.

Бонд вернулся через поляну к одиноко стоявшему клену, где его уже ждала Джуди. Она стояла спиной к нему, прислонившись к стволу дерева и обхватив голову руками. Стекавшая по правой руке кровь капала на землю, на рукаве темно-зеленой рубашки, почти у самого плеча, виднелось темное пятно. Арбалет и колчан со стрелами лежали у ее ног. Плечи Джуди вздрагивали.

Бонд подошел к ней сзади, обнял за плечи и мягким, успокаивающим тоном произнес:

- Не волнуйтесь, Джуди, все позади. Руку сильно поранило?

- Пустяки, - глухо отозвалась она, - задело слегка. Как это все было ужасно! Я..., я и не думала, что так все получится.

Бонд сжал ей руку, пытаясь утешить.

- Это должно было случиться, иначе они бы вас достали. Это профессиональные убийцы, из самых подлых. Но ведь я вам говорил, что это мужское дело. А теперь давайте взглянуть на вашу руку. Нам надо уходить на ту сторону границы - здесь скоро появится полиция.

Она обернулась. По ее прекрасному диковатому лицу текли пот и слезы. Теперь в серых глазах были мягкость и покорность.

- Я так благодарна вам за доброе отношение ко мне. После того, что я натворила. Я..., как бы вам сказать..., так завелась, - сказала она.

Она протянула руку. Бонд вытащил охотничий нож, висевший у нее на поясе, разрезал рукав рубашки около плеча и увидел посиневшее кровоточащее отверстие от пули, попавшей в мышцу плеча. Бонд достал из кармана платок цвета хаки, разрезал его на три части и соединил их концами, хорошенько промыл рану смесью виски с кофе, достал из рюкзака толстый кусок хлеба и прибинтовал его к ране. Из рукава рубашки Джуди он сделал повязку и попытался завязать ее на шее. В этот момент их губы оказались всего в нескольких дюймах друг от друга. От ее тела исходило тепло дикого животного. Бонд чуть прикоснулся к ее губам, потом крепко поцеловал еще раз. Он завязал концы повязки узлом и заглянул в серые глаза, которые теперь были совсем близко. В них сквозило удивление и радость. Он еще раз поцеловал ее в уголки рта, и Джуди робко улыбнулась. Бонд чуть отстранился и тоже улыбнулся. Мягким движением он взял ее правую руку и просунул через повязку.

- Куда мы направляемся теперь? - спросила она послушно.

- Я увезу вас в Лондон, - ответил он, - к одному пожилому человеку, который

хотел бы с вами познакомиться. Но сначала нужно перебраться в Канаду у меня в Оттаве есть приятель, которого можно попросить уладить связанные с вашим паспортом формальности. Вам необходимо приобрести одежду и кое-какие другие вещи, на это уйдет несколько дней. Мы остановимся в мотеле под названием "Коузи мотор корт".

Она посмотрела на него - теперь она выглядела совершенно иным человеком и тихо сказала:

- Неплохая идея. Я никогда не останавливалась в мотеле.

Бонд наклонился, подобрал винтовку и рюкзак и вскинул их на плечо. Повесив на другое арбалет и колчан, он повернулся и зашагал по поляне.

Она последовала за ним и, стараясь не отставать, вытащила остатки золотарника из волос и развязала стягивающую их ленту. Светлые, золотистые волосы рассыпались по плечам.